

Научная статья

УДК 37.01

DOI: 10.54884/1815-7041-2026-86-1-37-45

ШКОЛА И ПОКОЛЕНИЕ Z: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЗНАНИЙ И ИНФОРМАЦИИ В НОВОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Мясоутов О. В.¹✉, Казанова Т. И.²

¹ Сибирский институт бизнеса, управления и психологии; Красноярская школа № 11; Средняя общеобразовательная школа №10 им. Ю.А. Овчинникова, Красноярск, Российская Федерация

² Средняя общеобразовательная школа № 10 им. Ю.А. Овчинникова, Красноярск, Российская Федерация

¹✉ polius@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3314-5316>

² school10_krs@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.12.2025
Одобрена после рецензирования 12.01.2026
Принята к публикации 17.02.2026

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей восприятия школьных знаний и процесса обучения современными школьниками, принадлежащими к поколению Z – первому поколению, выросшему в эпоху цифровых технологий и Интернета. Исследование проводилось на основе качественного социологического метода – фокус-группы с участием старшеклассников города Красноярск. Авторы рассматривают различные факторы, влияющие на восприятие подростковой культурой школьных знаний и Интернет-информации. В условиях новой технологической реальности уточняется актуальность осмысления школьниками информации как основного тренда современного образования и его противопоставление мышлению как самостоятельному процессу критического освоения действительности. Утверждается, что различие в рамках дихотомии «знание – информация» в отношении школы и Интернета играет существенную роль в обосновании задач и функций образовательного процесса в современной школе, которая имеет дело с совершенно новым по своим социокультурным характеристикам поколением.

Ключевые слова: подростковая культура, культура школьников, школьное знание, поколение Z, новая технологическая реальность.

Для цитирования: Мясоутов О. В., Казанова Т. И. Школа и поколение Z: особенности восприятия знаний и информации в новой технологической реальности // Человек и образование. 2026. № 1 (86). С.37–45. <https://doi.org/10.54884/1815-7041-2026-86-1-37-45>

Original article

SCHOOL AND GENERATION Z: CHARACTERISTICS OF PERCEPTION OF KNOWLEDGE AND INFORMATION IN THE NEW TECHNOLOGICAL REALITY

O. Myasoutov¹✉, T. Kazanova²

¹ Siberian Institute of Business, Management and Psychology; Krasnoyarsk School № 11, Secondary School № 10 named after Yu.A. Ovchinnikov, Krasnoyarsk, Russian Federation

² Secondary School № 10 named after Yu.A. Ovchinnikov, Krasnoyarsk, Russian Federation

¹✉ polius@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3314-5316>

² school10_krs@mail.ru

The article was submitted on 25.12.2025

Approved after review on 12.01.2026

Accepted for publication on 17.02.2026

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of perception of school knowledge by modern schoolchildren belonging to generation Z, the first generation who grew up in the era of digital technologies and the Internet. The study was conducted on the basis of a qualitative sociological method – a focus group with the participation of high school students from the city of Krasnoyarsk. The authors consider various factors influencing the perception of school knowledge and Internet information by adolescent culture. In the context of the new technological reality, the relevance of schoolchildren's understanding of information as the main trend of modern education and its opposition to thinking as an independent process of critical assimilation of reality is being clarified. It is argued that the difference in the framework of the "knowledge – information" dichotomy in relation to school and the Internet plays an essential role in substantiating the tasks and functions of the educational process in a modern school, which is dealing with a completely new generation in its socio-cultural characteristics.

Keywords: youth culture, school culture, school knowledge, generation Z, new technological reality.

For citation: : Mysoutov, O. V. and Kazanova, T. I. (2026). School and generation Z: characteristics of perception of knowledge and information in the new technological reality. *Man and Education*, no. 1 (86), pp. 37–45 (in Russ.). <https://doi.org/10.54884/1815-7041-2026-86-1-37-45>

Введение

Дискуссии в российском обществе по поводу школьного образования всегда остаются интенсивными, однако в основном они носят публицистический, а не научно-актуальный характер. И.В. Кирия в статье «Российская реформа образования в культуре популизма российской медиасферы» делает справедливый вывод о поверхностности как основном фиксируемом качестве общественной дискуссии по этой важнейшей теме, ведь речь идёт о сведении серьёзного обсуждения и реального диалога лишь к восхвалению национальных достижений и критике коммерциализации образования [1].

Вместе с тем в последние десятилетия было немало научных исследований, которые могут послужить отправной точкой формирования новых подходов в системе российского образования. Прежде всего, это труды по визуальному мышлению и клиповому сознанию, на изучении которых отечественная наука сосредоточилась в 2010–2020-х гг. Поскольку образо-

вание – это всегда образование какого-то поколения, то невозможно игнорировать трансформацию способов восприятия реальности этим поколением. Об особенностях культуры поколения Z как первого поколения, выросшего в эпоху цифровых технологий и Интернета, чей образ жизни и система ценностей существенно отличаются от предыдущих поколений, что, в свою очередь, оказывает значительное влияние на процесс усвоения школьного материала, организацию учебного процесса и педагогическое взаимодействие, авторы статьи писали в некоторых своих предыдущих публикациях на страницах журнала ([2, 3]). О клиповом восприятии мира современными старшеклассниками и об образовательных практиках в новую эпоху писали и многие другие учёные, в частности М.В. Воробьева и Т.В. Ярлова, которые выделяют одно из главных качеств данного поколения: адаптацию 16–18 летних к существованию в особой реальности – в виртуальном мире, а следовательно – подверженность их социализации зна-

чительному влиянию этого мира. Отметим важный вывод авторов о том, что фактор виртуальной реальности переводит школу в шкале координат старшеклассников из среды общения в среду обитания и сдвигает её на второе место (после Интернета) в системе знаниевых авторитетов [4].

У процесса технологизации жизни и образования есть и другая важная сторона, представляемая, в частности, А.А. Проскуриной, приводящей к выводу, что у наших детей уже длительное время формируется функциональное отношение к собственному социуму, на базе которого – при отсутствии навыков самостоятельной деятельности и реального взаимодействия с социумом как целым – невозможно развить деятельное отношение к обществу. Отсюда результаты воспитания всегда неожиданны, а субъектность поколения формируется стихийно, в зависимости от того, с какими общностями молодой человек устанавливает целостные отношения (или их иллюзию). Таким образом, автором отмечается необходимость формирования особой, субъектной идентичности, связанной с деятельностью как способом развития личности, причём деятельностью для общей социальной реальности [5]. Из этого тезиса проистекает важный вывод о существенной неопределённости проекта будущего у поколения Z. Определённость будущего формируется именно в контексте целостных отношений с обществом (его значимыми субъектами). Явный же дефицит таких отношений не только «атомизирует» бытие индивида в среде других, но и существенно ограничивает его бытие отдельными локациями («здесь и сейчас», «желаемое настоящее») без понимания траектории оптимального движения к целям и эффективных способов деятельности.

Как же преобразовать школу, чтобы восполнить её технологические «дефициты» и сформировать «деятельностную» личность в контексте общества? А главное – как стимулировать у детей желание учиться? Поиск ответов на эти вопросы заставляет исследователей обращаться к прошлому – к

самым «экспериментальным» и авторским страницам истории отечественного образования. Стараясь составить целостную картину современной российской школы, О.Ю. Васильева, В.С. Басюк, С.В. Иванова в обзоре «Современная российская школа: этапы становления (1980-е – 2020-е гг.)» специально останавливаются на появлении в 1985-1987 гг. «новой педагогической идеологии», которая была ознаменована своеобразным манифестом в «Учительской газете» 18 октября 1986 г. «Педагогика сотрудничества» (отчёт о встрече учителей-экспериментаторов) [6]. «Инновационная волна» в школе 1990-х – «липецкий опыт», исследовательские методы обучения, идеи «педагогика сотрудничества» – по-прежнему высоко оцениваются современными авторами, как и все то, что помогало трансформировать «школоцентризм» в детской жизни, превратив школу из «камеры хранения детей» в институт реального развития личности [7].

На наш взгляд, чтобы продуктивно мыслить о настоящем современной российской школы, недостаточно сосредоточиться лишь на позитивных сторонах отечественной (в частности, советской) образовательной модели: следует углубиться в мировую историю образования и её давно сложившиеся традиции и парадоксы. В связи с этим особый интерес вызывает историко-философское исследование Л.Т. Ретюнских «Образование как Просвещение, или Как научить человека пользоваться собственным умом?» [8], в котором рассматривается две модели образования – информационная и исследовательская. Исследовательская модель предполагает взгляд на образование как на Просвещение, когда учитель – это помощник учащегося в овладении новыми навыками мышления. Эта модель локально использовалась и используется в образовательной подготовке одарённых детей, мотивированных уже самим своим талантом и способом восприятия мира. Однако в общеобразовательной школе разных эпох всегда преобладала информационная модель – с кумулятивным накоплением

знания, где учитель – это носитель информации. Именно такая традиция привела к тому, что в современной школе мышление, по мнению вышеназванных исследователей, уступило место знанию. Это противоречие обнажилось особенно остро сегодня, когда легкодоступность информации (посредством Интернета) во многом обесценила знаниевую стратегию образования.

Методы исследования

Предлагаемое исследование особенностей восприятия школьного знания в культуре поколения Z базируется на комплексном анализе с преобладанием социокультурного и семиотического методов и использования частных социологических методик. Срез был получен путём качественного социологического исследования с использованием метода фокус-групп в марте 2025 года в рамках репрезентативной группы: 20 учащихся (от 15 до 17 лет) общеобразовательных школ Красноярска, отобранных методом случайной выборки.

Цель проведения фокус-группы – выслушать участников и собрать информацию об их взглядах и представлениях, связанных с проблематикой нашего исследования. Содержание дискуссии и обсуждений в фокус-группе помогло понять, как её участники относятся к проблемным вопросам. Для авторов настоящей статьи важно было создать в фокус-группе пространство свободного общения, которое дало бы возможность участникам делиться мыслями и высказывать свою точку зрения по таким сложным и нередко эмоциональным вопросам. Авторы использовали метод групповой дискуссии, в ходе которой все желающие могли по очереди и кратко изложить своё мнение.

Результаты

Отметим, что тема обсуждения образовательного процесса не вызвала у старшеклассников никакого смущения или растерянности. Они были готовы к диалогу и создавалось впечатление, что их «экспертная» позиция уже заранее сформирована. Интересно, что самоощущение «эксперт-

ности» у подростков касается многих тем: не только новой технологической реальности, современной моды или музыкальных трендов, но и культуры потребления информации в целом и связанной с ней их ежедневной деятельности – образовательного процесса. «Экспертная позиция» школьников в области потребления информации значительно укрепилась в процессе эволюции традиционной ценности школьного «знания» под влиянием Интернет-контента как безграничного источника сведений о мире.

Итак, перед нами оказались «собеседники на равных» – подростки с самоощущением экспертности и с безусловным желанием «учиться и воспитываться». Они выражают готовность к тому и другому, но, как показало обсуждение, выдвигают для этого некоторые условия. Именно эти условия и их рефлексия самими школьниками составляют для нас предметный интерес, выступая основным фокусом данного исследования.

Начнём с очевидного противоречия. Большинство исследователей сходятся во мнении, что основными характеристиками поколения Z являются всеобщая эмоциональность и реактивность как важнейшие качества клипового сознания и визуального мышления [9]. Образовательный же «идеал» современности движется к рационально-рассудочной метафоре «мегааккумулятора знания» и «суперпрофессионала». К «расчеловечиванию» процесса образования приводит его трактовка исключительно как поиска и доставки сведений в определённой области знаний. Как ощущает себя поколение Z в контексте этого подхода, маркирует ли «среду своего обитания» эмоционально, мы и попытались уточнить в самом начале эмпирического исследования через описание старшеклассниками их эмоциональных состояний и оценок образовательного процесса.

«Что для Вас значит «скудно учиться»? Это то же самое, что «трудно учиться» или что-то другое?» – на эти вопросы основными ответами были: «Скудно учиться – это

значит без энтузиазма»; «Скучно учиться – учиться для оценок»; «Без мотивации»; «Скучно учиться – это когда ровно по программе»; «Скучно учиться и трудно учиться – это не одно и то же, главное различие в подаче информации, можно трудный предмет подать очень интересно». Заметим, что спровоцированный смысловой посыл «скучно – значит трудно?» школьников не отвлёк. Они быстро справились с задачей разграничения понятий «скучно» и «трудно»: никто из них не обсуждал их как синонимы, их различие всем оказалось вполне очевидным. Можно смело утверждать: трудные задачи и даже их множественность не пугают юное поколение. Скука для старшеклассников связана 1) с отсутствием мотивации; 2) формализмом («для оценок», «по программе»); 3) деятельностью без положительных эмоций.

Уравнивание понятий «по программе» и «скучно» подтверждает, что старшеклассники воспринимают школьное знание, во-первых, как устаревшее, прежде всего в свете слабого применения технологий в школе, в отличие от технологий во внешкольной жизни учеников, о чём справедливо пишут Е.А. Московцева и Е.Ю. Иволгина в статье «Проблема школьного образования России» [10]; во-вторых, как нам представляется, школьное знание, не просто традиционное и оформленное, а буквально «спрессованное» предыдущими поколениями, десятилетиями перетекающее из старых учебников в новые – оно, по определению, не может казаться поколению Z «нескучным», поскольку лежит «за пределами» поколенческого комплекса их наглядных образов и не имеет, как им кажется, отношения к их индивидуальной жизни и актуальной реальности «здесь и сейчас»; в-третьих, в этой логике школьное знание не воспринимается подростками как возможный способ достижения их проекта будущего (то есть образа-картинки, который по законам клипового сознания в готовом виде есть у каждого: «закончу школу – буду жить в своей квартире, отдельно от родителей»; «после школы начну много зарабатывать»; «хотел бы

открыть что-то крутое, какие-то сверхновые материалы»; «стану известным блогером – они популярные и богатые» и др.). Школьное знание при этом зачастую не связано ни с этим образом будущего, ни тем более с путями его достижения. Как уже говорилось, в силу «недеятельностной» социализации поколения Z, представление о способах достижения цели в принципе не фигурирует в качестве элемента его картины мира. В этом смысле хорошая оценка сама по себе для данного поколения не является основной мотивацией, потому что: 1) изменилась сама система образования – общего и высшего; 2) оценки «знания» (даже четвертные и годовые) часто серьёзно «расходятся» с успешностью сдачи ОГЭ и ЕГЭ; 3) максимальная неопределённость проекта будущего у поколения Z оказалась сопряжена с внедеятельностными подходами к достижению желаемого (это либо упование на стороннюю помощь (родителей, знакомых и пр.), либо просто «виртуальные» мечты).

Если «школьное знание» не нужно для проекта будущего подростков (с их точки зрения), то в какой ситуации подростки готовы с ним «мириться» и эффективно осваивать? Для выяснения этого мы предложили респондентам обсуждение темы «Идеальный урок». Ответы на вопрос «Как должен пройти урок, чтобы Вы сказали: «Сегодня на уроке мне было интересно?» сконцентрировались вокруг трёх смысловых центров: 1) коммуникативно-психологического: «Интересно – это когда все участвуют и все понимают»; «Когда идёт обсуждение, например, как на литературе»; 2) личностно-мотивационного: «Главное – личная мотивация: если мне не нравится предмет, то мне не будет интересно, а если предмет один из моих любимых, то мне всегда интересно»; 3) фактора организации среды: «Побольше комфорта, разнообразия»; «Были бы кабинеты-музеи, но это дорого, а было бы классно»; «Нужно больше инвентаря, а то мы, например, проходим микроскопы без микроскопов».

Заметим, что коммуникативно-поколенческий аспект (собственно общение)

занимает тем не менее не главное место. При ответах на вопросы «Нравятся ли Вам командные форматы обучения? Если да, то чем именно?» оказалось, что принятие таких форматов сильно зависит от ситуации: *«Смотря, что мы делаем в команде и какой состав команды»; «В командной работе, прежде всего, нравится коммуникация и совместная работа»; «Зависит от задания».* Единственный пункт, по которому не было расхождений – это понятие «интерес». Помимо личной заинтересованности и мотивации (интереса) в том или ином предметном знании, а также информационно и деятельностно наполненной (интересной) образовательной среды, школьникам, как мы видим, очень важна постоянная включенность в процесс («участие и понимание»), то есть важно поддерживать интерес, например, индивидуальными занятиями или занятиями в малых группах (*«С удовольствием работали в групповых проектах: обзоры книг по литературе, дебаты по истории»*).

Ключевая роль интереса подчёркивается и прямыми высказываниями респондентов. При этом отметим, что понятие «интерес» многосоставно: это не только установка на повышенное внимание, это ещё и переживание, сопровождающееся эмоциональным возбуждением, первичным любопытством, душевным подъёмом от контакта с интересным и удовольствием от собственных открытий.

Каким должно быть школьное знание в идеале? Отметим наличие интереса учеников к нему: *«Если бы я был учителем, то главным была бы подача информации с интересом»; «Интересная информация – интересно поданная»; «Главное, чтобы дети вышли с урока окрылёнными»; «Первый урок важен – он всегда задаёт атмосферу дня».*

К стереотипам старшего поколения относится положение о том, что современным подросткам интересно исключительно в мире гаджетов: они полностью эмоционально погружаются в новую технологическую реальность. Как показало исследование, всё не так однозначно. В

ответах на ключевой в этом плане вопрос «Что Вам больше всего нравится в интернет-играх по сравнению с другими видами деятельности (например, учёбой)?» смысловой блок ответов *«погружение в иной мир, виртуальный»* занял только второе место, уступив первенство ответу – *«свобода действий»*. На вопрос о том, можно ли использовать такие игры на занятиях, при схожести ответа («вряд ли») мнения участников обсуждения разделились примерно поровну: 1) *«Скорее только для поиска информации»*, 2) *«Потому что нет подходящих игр для уроков»*. Как видим, старшеклассники в этом вопросе вполне рациональны и даже не поддаются соблазну пофантазировать о возможных «технологических прорывах» в образовании. А на совсем прямые вопросы «Хотели бы Вы обучаться с помощью «виртуальной реальности»? Чему именно из школьных предметов можно обучаться таким образом?», они опять ответили неоднозначно. Мнения разделились примерно поровну. В финале обсуждения этой темы был принят следующий «консенсус»: *«Виртуальную реальность можно добавлять в сложные предметы, например, в физику или математику»; «В гуманитарные предметы её лучше не добавлять, в них лучше размышлять и обсуждать, но в историю можно, чтобы, например, реконструировать какое-то историческое пространство».*

Тот самый «консенсус», как мы видим, связан с рефлексией основного содержания предметов и целесообразности применения к тому или иному предмету (теме) цифровых инструментов в образовании. Согласимся, что это серьёзное обсуждение довольно далеко от демонстрации всеобщей «интернет-зависимости» и показывает достаточно высокий уровень рациональности при размышлении над проблемой.

Отметим, что сами школьники так рефлексировали бытующее в обществе мнение о них: *«Это стереотип, в играх зависают только какие-нибудь интроверты, которые и так мало общаются»; «Главное – соблюдать баланс между играми и общением».* Учащиеся вполне рационально

предлагают использовать виртуальную реальность в основном для упрощения понимания «сложного знания» (физика, математика), «наглядной реконструкции знания» (история) – и не использовать там, где «*надо размышлять и обсуждать, а виртуальная реальность только отвлекает*» (литература, гуманитарные предметы вообще). Эмоционально окрашенное знание – это ещё и заинтересованный диалог с учителем или коллективное исследование с условием активизации включённости обучающегося индивида в эти процессы.

Какие именно виды учебных работ школьники предпочитают, а какие – отторгают? В следующем блоке обсуждения «Что больше всего Вы любите/не любите делать на уроках?» в аудитории массово прозвучали следующие ответы: «*Не люблю самостоятельные работы, контрольные*»; «*Не нравится чисто теоретическая работа*»; «*Много писать не люблю*»; «*Люблю устные задания*», «*Контурные карты – это ужасно*», «*Люблю общаться*»; «*Люблю разбираться в теме*». С нелюбовью к письменным работам довольно-таки понятно: большинство ребят поколения Z, которые давно на «ты» с курсором и клавиатурой, автоматизированным подбором слов для текста и такой же проверкой их грамотности, с большим нежеланием оперирует шариковой ручкой. Другие же ответы, детализированные в обсуждениях, указывают, прежде всего, на то, что этому поколению, как правило, нравится учиться в диалоге, разбирая заинтересовавшие его аспекты и парадоксы темы.

Отметим, что, безусловно, ими ценится творческая деятельность: так, как они её понимают. А именно: им неинтересно соблюдение в процессе «творения» законов определённого вида творчества.

Для того чтобы лучше определить соотношение понятий «свобода/творчество», мы детально обсудили со старшеклассниками смысловой комплекс «свобода виртуальной реальности». В контексте обсуждения появился синонимический ряд – «власть», «выбор», «возможность», «как будто реальность», «всевозмо-

жность». Да, следует отметить зыбкость границы между реальным и виртуальным миром. Не будем отрицать: с одной стороны, эта зыбкость несёт в себе серьёзный риск «виртуальной зависимости», при этом с другой – она же создаёт необыкновенную лёгкость перенесения любых явлений из виртуальной в реальную жизнь, что сообщает новые смыслы словоупотреблению понятия «творчество» и его производных. Старшеклассники, конечно, не относят к творческим видам урочной деятельности самостоятельные и контрольные работы, а также технические процессы «писанины» и «усвоения теории» (в виде технического запоминания).

Иным в культуре поколения Z является и наглядный образ практики. При том, что в старшей школе, особенно в профильных классах, много практикумов и тренировочных задач по предметам, в обиходе под «практикой» и её важностью школьники понимают решение каких-то актуальных проблем или получение конкретных жизненных навыков: «*Научите нас быть самозанятыми*»; «*Умение работать руками*»; «*Информационная безопасность – это важно и нужно*»; «*Ещё психология... это важно*». На вопрос «Какие обучающие форматы Вам нравятся?» основные ответы были такими: «*Нравятся мастер-классы, потому что там практика*»; «*Нравятся какие-нибудь курсы, в них последовательность и плюс во многом самостоятельность, самообразование, свобода выбора*».

При этом школьники вполне готовы к межпоколенческой и межкультурной коммуникации. На завершающий вопрос «Какие недостатки Вы готовы простить учителям?» они дали единодушный ответ: «*Учителя – такие же люди, всё можно простить*», а среди достоинств учителей назвали следующие: «*У учителя должна быть, прежде всего, открытость к диалогу*»; «*Творческий подход ко всему*»; «*Доброжелательность – это важно*»; «*Если ко всему названному добавить выдержанность и профессионализм, то это и есть идеальный учитель*».

Заключение

Таким образом, нам представляется, что упор в школьном знании на исследовательские практики, диалог с учителем, цифровое сопровождение, решение практически ценных для подростков проблем и различного рода «эмоционально-мыслительные маршруты интересного» [9] продуктивен для актуализации школьного знания, поскольку вписывается в складывающуюся культуру информационного потребления, развивающуюся с учётом дефицита деятельности ориентированных подходов в современной педагогике.

В культуре потребления информации у старшеклассников сформировалась явная нелюбовь к контролю и «обязаловке», выражающаяся в порой прямом отторжении «заучивания» теории, рациональном выборе инструментария обучения, осознанном стремлении мыслить, обсуждать и разби-

раться, предпочитая свободное общение и действия. Причём наиболее свободной для подростковой культуры эта деятельность проявляется именно в новой технологической реальности. Таким образом, новая технологическая реальность становится пространством максимальной свободы самовыражения и взаимодействия для современного поколения учащихся.

В свете результатов исследования перед нами как исследователями актуализируется задача использования в отношении современной школы теоретико-методологической концепции «культурной сцены», позволяющей при анализе проблем школьного образования и воспитания учитывать не только традиционную средовую составляющую учебно-воспитательного процесса, но и поколенческие идентичности в контексте школьного пространства и реакции школьных сообществ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кирия И.В. Российская реформа образования в культуре популизма российской медиасреды // Вопросы образования. 2020. № 4. С. 288–311.
2. Мясоутов О.В., Казанова Т.И., Приходько И.Н. Культура современных школьников: жизненные тренды подрастающего поколения // Человек и образование. 2021. Вып. 4 (69). С. 61–70.
3. Мясоутов О.В., Казанова Т.И., Приходько И.Н. Социокультурный профиль российских выпускников: этика межпоколенческих отношений // Человек и образование. 2023. № 4 (77). С. 44–53.
4. Воробьёва М.В., Яровая Т.В. Молодёжная субкультура и поколение Z // Педагогическое образование и наука. 2021. № 1. С. 90–96.
5. Проскурина А.А. Какую идентичность формирует современная российская школа // Социальные явления. 2020. Т. 10. № 1. С. 27–37.
6. Васильева О.Ю., Басюк В.С., Иванова С.В. Современная российская школа: этапы становления (1980-2020-е гг.) // Ценности и смыслы. 2024. № 2 (90). С. 6–45.
7. Лебедев О.Е. Образовательная политика в 1990-е годы: результаты и уроки // Власть. 2024. Т. 32. № 3. С. 265–277.
8. Ретюнских Л.Т. Образование как Просвещение, или Как научить человека пользоваться собственным умом? // Философия образования. 2023. Т. 23. № 1. С. 111–134.
9. Карлова О.А. «Эмоционально-мыслительные маршруты интересного» как потенциал мотивации в вузовском образовании / Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Часть 2. Наука: опыт, проблемы, перспективы развития. Том 2 / Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2023. С. 25–28.
10. Москвцева Е.А., Иволгина Е.Ю. Проблема школьного образования России // Рефлексия. 2025. № 1. С. 11–14.

REFERENCES

1. Kiria, I. V. (2020). Russian education reform in the culture of populism in the Russian media environment. *Education Issues*, no 4, pp. 288–311. (In Russ.)
2. Myasoutov, O. V., Kazanova, T. I. and Prikhodko, I. N. (2021). Culture of modern schoolchildren: life trends of the younger generation. *Man and Education*, no. 4 (69), pp. 61–70. (In Russ.)
3. Myasoutov O. V., Kazanova T. I. and Prikhodko I. N. (2023). Sociocultural profile of Russian graduates: ethics of intergenerational relations. *Man and Education*, no. 4 (77), pp. 44–53. (In Russ.)

4. Vorobyova, M. V. and Yaroyova, T. V. (2021). Youth subculture and generation Z. *Pedagogical Education and Science*, no. 1, pp. 90–96. (In Russ.)
5. Proskurina, A. A. (2020). What kind of identity does a modern Russian school form. *Social Phenomena*, no. 1, pp. 27–37. (In Russ.)
6. Vasilyeva, O. Y., Basyuk, V. S. and Ivanova, S. V. (2024). Modern Russian school: stages of formation (1980-2020s). *Values and Meanings*, no. 2 (90), pp. 6–45. (In Russ.)
7. Lebedev, O. E. (2024). Educational policy in the 1990s: results and lessons. *Power*, no. 3, pp. 265–277. (in Russ.)
8. Retyunskikh, L. T. (2023). Education as Enlightenment, or How to teach a person to use their own mind? *Philosophy of Education*, no. 1, pp. 111–134. (In Russ.)
9. Karlova, O. A. (ed.) (2019). Emotional and mental routes of interesting things» as a potential motivation in higher education. *Science and education: experience, problems, development prospects*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, pp. 25-28. (In Russ.)
10. Moskovtseva, E. A. and Ivolgina, E. Y. (2025). The problem of Russian school education. *Reflection*, no. 1, pp. 11–14. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мясоев Олег Валерьевич - кандидат культурологии, доцент кафедры общественных наук, АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»; учитель, КГБОУ «Красноярская школа № 11»; учитель, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 10 с углублённым изучением отдельных предметов им. академика Ю.А. Овчинникова», Красноярск

Казанова Татьяна Ивановна - директор, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №10 с углублённым изучением отдельных предметов им. академика Ю.А. Овчинникова», Красноярск

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Oleg V. Myasoutov – Candidate of cultural sciences, Associate prof., Department of Social Sciences, Siberian Institute of Business, Management, and Psychology; Teacher, Krasnoyarsk School № 11; Teacher, Secondary Comprehensive School № 10 named after Academician Yu. A. Ovchinnikov, Krasnoyarsk

Tatyana I. Casanova – Principal, Secondary Comprehensive School № 10 named after Academician Yu. A. Ovchinnikov, Krasnoyarsk

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.